

УДК 811.512.3

DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-64-78

ЗАИМСТВОВАННАЯ БУДДИЙСКАЯ ЛЕКСИКА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Лариса Б. Будажапова

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Российская Федерация

Дарима Ш. Харанутова

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Российская Федерация

Статья посвящена процессу заимствования буддийской лексики в монгольских языках, который рассматривается в неразрывной связи с историей распространения буддизма. Проведен анализ проникновения и функционирования буддийской лексики у монголоязычных народов на фоне исторических эпох. Приведены основные экстра- и интралингвистические причины буддийских заимствований, очерчены основные пути проникновения и способы адаптации буддийских терминов в лексикологической системе монгольских языков. В работе отмечается, что до проникновения в монгольские языки буддийские слова прошли извилистый и непростой путь. В первый период активизации заимствований буддийских терминов их путь лежал через границы нескольких языков (санскритский = тибетский → согдийский → уйгурский и только после → монгольские языки). Вторая волна активности характеризуется прямым, вследствие этого более кратким путем миграции буддийских терминов: тибетский → монгольские языки. Подчеркивается, что процесс адаптации заимствованных слов в генетически родственных языках-реципиентах характеризуется неоднородностью, это касается и лексического освоения, и фонетических изменений. Представлен анализ отдельных заимствований, демонстрирующий изменения семантики в процессе их функционирования в языке-доноре. Примеры функционирования заимствований в художественном тексте приводятся из Монгольского национального корпуса и Национального корпуса бурятского языка.

Ключевые слова: заимствование, буддийская лексика, монгольские языки, периоды массового заимствования, старомонгольский письменный язык, согдийский язык, уйгурский язык, тибетский язык, фонетические изменения, семантические изменения

BORROWED BUDDHIST VOCABULARY IN MONGOLIAN LANGUAGES

Larisa B. Budazhapova

Banzarov Buryat State University, Russian Federation

Darima Sh. Kharanutova

Banzarov Buryat State University, Russian Federation

The article is devoted to the process of borrowing Buddhist vocabulary in the Mongolian languages, which is considered in inextricable connection with the history of Buddhism popularization. The analysis of the appearing and functioning of Buddhist vocabulary among the Mongolian-speaking peoples against the background of historical epochs was carried out. The main extra- and intra- linguistic reasons of Buddhist borrowings are given, the main ways of appearance and adaptation of Buddhist terms in the lexicological system of the Mongolian languages are outlined. It is noted that before the appearance in the Mongolian languages, Buddhist words had a tortuous

and difficult way. In the first activation period of borrowings of Buddhist terms, their way lay across the borders of several languages (Sanskrit = Tibetan → Sogdian → Uighur and only after that → Mongolian languages). The second activity wave is characterized by a direct, and therefore more concise, way of migration of Buddhist terms: Tibetan → Mongolian languages. It is emphasized that the process of adaptation of borrowed words in genetically related recipient languages is characterized by heterogeneity, this applies to both lexical development and phonetic changes. The analysis of individual borrowings is presented, demonstrating changes in semantics in the process of their functioning in the donor language. Examples of the functioning of borrowings in a literary text are given from the Mongolian National Corpus, the National Corpus of the Buryat language.

Keywords: verbal associations, words-associates, the word's systemic meaning, subjective psychological vocabulary, words-stimuli, visual-effective type of thinking

1. Введение

В развитии и обогащении лексического состава монгольских языков большую роль играет заимствование слов. Особый пласт заимствований составляет буддийская лексика, история проникновения и функционирования которой неразрывно связана с историей распространения буддизма.

Современные монгольские исследователи придерживаются периодизации истории буддизма в Монголии согласно Зава Дамдину¹⁸: первый (ранний) – от эпохи хунну до Чингис-хана, второй (средний) – от Чингис-хана и Юань (в форме тибетской школы Сакья), третий – с XVI в. (в форме школы Гэлуг). В средний период, во времена Чингис-хана, буддизм проникал в Монголию благодаря тибетским ламам, но не имел там успеха до воцарения Хубилай-хана. Как подчеркивает Ц.П. Ванчикова, такая периодизация поддерживается археологическими данными [Ванчикова, 2019:13]. Развитие буддизма в Бурятии шло «под влиянием монгольских буддистов, а также благодаря политике царского правительства сформировалась бурятская сангха. У калмыков ситуация была несколько иной: в частности, там были непосредственные прямые контакты с Тибетом» [Сабиров, 2017: 10]¹⁹.

Заимствования проникали устным и письменным путем. Что касается письменных заимствований буддийской лексики, то, по мнению Г.Д. Санжеева, первые заимствования связаны с развитием старописьменного монгольского языка, а точнее, со вторым периодом его исторического развития (первый заканчивается к концу XIII в, второй – к началу XIV и к концу XVI в., третий – начинается на рубеже XVI и XVII вв.) [Санжеев, 1953; Владимирцов, 1989 и др.].

Второй период характеризуется активным притоком заимствованной буддийской лексики через уйгурский язык, так как старописьменный монгольский язык в это время используется «для перевода буддийских сочинений под руководством тибетских и уйгурских ученых

¹⁸ Шагдарын Зава Дамдин – монгольский ученый лама, автор работы «Золотая книга (Алтан дэбтэр)», одного из наиболее ценных источников по истории буддизма в Монголии.

¹⁹ Также см.: [Китинов, 2004].

монахов» [Владимирцов, 1989: 21]. Как считает Б.Я. Владимирцов, благодаря буддийским переводам XIV в. в монгольский язык попадает при посредстве уйгурского довольно значительное количество слов из культурных языков Средней Азии: из согдийского, хотанского, кучарско-карашарского и персидского, более того, по его мнению, старописьменный монгольский язык становится «языком буддийской литературы» [Там же: 22].

Третий, и очень важный, период исторического развития старописьменного монгольского языка связан с активным распространением буддизма в Монголии и датируется примерно концом XVI столетия. Из иноязычных заимствований особую роль стали играть тибетские слова [Санжеев, 1960: 15].

Соответственно, можно выделить условные периоды массового проникновения и распространения буддийской лексики в монгольские языки: первый период датируется (приблизительно) рубежом XIII и XIV вв. до конца XVI в., второй период датируется (приблизительно) XVI в. до начала XX в.

В силу исторических причин с середины 20-х годов XX века в Монголии и России сложилась непростая ситуация, связанная с «борьбой советской власти против буддизма и за замещение буддийского религиозного мировоззрения и традиций советской атеистической идеологией и новой нравственностью» [Амоголонова, 2017: 299], начались репрессии против буддийских лам, дацаны и монастыри были уничтожены. В этот непростой период буддийские термины использовались только в контексте с негативным содержанием в сатирических заметках и рассказах, в газетных фельетонах. С 1940-х годов ситуация начала изменяться, во время Великой Отечественной войны в Монголии начал действовать монастырь Гандантегченлин (1944), в Бурятии открылся Иволгинский дацан (1946).

Нам представляется, что необходимо выделить и третий период (современный) – с конца XX столетия (приблизительно) и по настоящее время.

Нелегким и непростым был путь вхождения буддизма на территорию монгольских народов, как не был легким и путь буддийской лексики – языка Веры.

Рассмотрим три периода массового заимствования буддийской лексики на примере двух буддийских терминов санскритского происхождения: *chintamani*, *радна*.

Первый период буддийских заимствований (конец XIII в. и начало XIV в. – до конца XVI в.)

Безусловно, первый период заимствования буддийской лексики характеризуется посреднической ролью согдийского, уйгурского языков.

Уйгурский язык, письменность которого была заимствована монголами в XIII в. (период правления Хубилай-хана, внука Чингис-хана)²⁰, по праву считается одним из первых проводников буддийской лексики из санскритского и тибетского языков. На самом деле заимствование уйгурской письменности не было связано с буддизмом, но именно благодаря ей монголы получили доступ к высокоразвитой уйгурской культуре, в том числе к уже существующим переводам буддийской литературы на уйгурский язык.

Как отмечает Б.Я. Владимирцов, через посредство уйгурского языка монголами была воспринята вся ранняя буддийская терминология, например в тот период были заимствованы такие буддийские термины санскритского происхождения, как *шастар* (санскр. *casta* 'ученое сочинение'), *шажин* (санскр. *casna* 'религия'), *судар* (санскр. *сутра* 'книга, религиозная книга'), *галба* (санскр. *kalpa* 'период времени, период существования вселенной'); *шид* (санскр. *siddha* 'способность, дарование, волшебство, чары') и т.д.

В этот же период уйгурский язык выступал не только языком-посредником, но и языком-донором для некоторых буддийских терминов монгольских языков, например: уйг. *киврак* 'священник, духовное лицо' → халх. *хуварак* = бур. *хуварак*, = калм. *хуврак*; уйг. *тнгри* 'небо' → халх. *тэнгри* = бур. *тэнгэри*; уйг. *биркан* 'Будда, бог' → халх. *Бурха* = бур. *бурхан* = калм. *бурхн*; уйг. *буян* 'благодетель' = халх. *буян*, бур. *буян* = калм. *буян* [Владимирцов, 2005: 41].

Безусловно, буддийские термины, пересекая границы разных языков, приспособлялись к новым условиям, при контактировании с другими языками подвергались и семантическим, и фонетическим трансформациям; некоторые, несмотря на различные траектории (санскритский → согдийский → уйгурский → монгольские языки), сохранили свою исходную форму.

Неудивительно, что большая часть слов во время путешествия подвергалась изменениям, так как любой язык пытается адаптировать попавшие в него иностранные элементы. Так и уйгурский язык приспособлял заимствованные слова из санскрита. В монгольские языки они попадали уже в фонетически измененном виде, иногда и в семантически измененном.

Например, санскритский буддийский термин *chintamani* 'драгоценный камень, удовлетворяющий все желания' [Сүхбаатор, 1999: 246] прошел сложный путь: санскр. *chintamani* → согд. *cynt'many* **cindamani* → уйг. *cintamani* → стп. м. *cindamani* 'зурхэн эрдэнэ', халх. *чандмань* = бур. *зэндэмэни*.

Как видим, старописьменный монгольский язык зафиксировал это слово в исходной форме: стп. м. *cindamani*, при этом заимствованный буддийский термин *chintamani* (санскр.) в

²⁰ Уйгурский алфавит через согдийский восходит к арамейскому [Санжеев, 1953: 15].

монгольских языках и семантически, и фонетически повел себя по-разному: в монгольском языке – *чандмань*, в бурятском – *зэндэмэни*.

Итак, рассмотрим словарные статьи заимствованного буддийского слова *чандмань* в толковых словарях монгольского языка.

На основе словаря Сухэбаатора [Сухэбаатор, 1999: 246] Большой толковый словарь монгольского языка дает толкования многозначного слова *чандмань* (словарную статью приводим полностью): 1. *Үлгэр домогт гардаг гадаад далайгаас залж авчирсан, гайхамшигт ид шидтэй, хүн бүхний хүслийг хангагч чухаг эрдэнэ*. 2. *Монгол улсын төрийн сүлдний магнайн хэсэгт байдаг эрт, эдүгээ, ирээдүйн гурван цагийн бэлгэдэл*. 3. *Сүм хийд, суваргын орой дээр байдаг өлзий мөрийг бэлгэдсэн гурван дусал бүхий тэмдэг*. 4. *Чандмань хэлбэртэй тамга тэмдэг: чандмань тамга (а. Чандмань хэлбэрээр буюу гурван дусал гарган урласан малын тамга*. 5. [шилжсэн] *Үнэт баялаг: мал манай орны чандмань эрдэнэ мөн (мал бол манай орны үнэт баялаг гэсэн санаа)* [БТСМЯ]. Перевод: 1. Драгоценное сокровище, привезенное из мифического чужеземного моря, обладающее чудесной магией и удовлетворяющее желания каждого. 2. Символ трех часов прошлого, настоящего и будущего в надбровной части герба Монголии; 3. Знак с тремя каплями, символизирующий благоприятный след, обнаруженный на вершинах храмов и ступ. 4. Штамп в форме чандмана: штамп чандмана (а. Печать животного, выполненная в виде люстры или трех капель. 5. [перен.] Драгоценные ресурсы: домашний скот – это сокровище нашей страны (идея о том, что домашний скот – это драгоценный ресурс нашей страны) [Там же].

Приведенные примеры в полной степени демонстрируют широкий диапазон значений общеупотребительного слова *чандмань*, буддийского термина, заимствованного в первый период активного проникновения иноязычных слов, подвергшегося деэтимологизации и превратившегося в полисемант. Многозначность заимствования базируется на основном значении ‘драгоценный камень’ и получает в принявшем это слово монгольском языке переносные значения ‘символ герба, религиозный знак, штамп и драгоценный талисман; драгоценность’.

Данная заимствованная лексема получила широкое применение в разных сферах устной и письменной речи монгольского языка и относится к одному из самых активно употребляющихся буддийских терминов и общеупотребительных слов, что подтверждается и языковым материалом из Монгольского национального корпуса.

Проиллюстрируем на примерах: *Говьд ус гэдэг чандмань эрдэнэ гэжэ Чулуун бас тайлбарлав / Чулун объяснил, что вода в Гоби – драгоценное сокровище. Урсгал усгүй энэ нутагт ус гэдэг чандмань эрдэнээс ч үнэтэй. Энэ булаг горхи ширгээж*

орхивол бид яах болж байна? Хатаж үхэх хэрэг үү? / В этой безводной земле вода дороже любого твердого сокровища. Что будет с нами, если этот источник пересохнет? Хүүхдийн үнэр анхилсан тэр туг үс эрдэнэ чандмань шиг нандин болно гэж хэн санах билээ дээ / Кто бы мог подумать, что флаг, пахнувший ребенком, будет таким же драгоценным, как сокровище. 1937 оны 7 дугаар сарын нэгэнд Говь-Алтай аймгийн Чандмань сумын нутагт Эмээлцэгийн аманд төрсөн / Родился 1 июля 1937 года в устье реки Эмээлцэг в местности Чандмань сумэ Гоби-Алтайского района.

Последний пример указывает на дальнейшее развитие семантики заимствованного слова: оно превращается в имя собственное – название местности.

Что касается буддийского слова *зэндэмэни*, то в бурятском языке оно чаще функционирует как религиозный термин. Если говорить о его деэтимологизации, то в общеупотребительном бурятском языке данная лексема используется в составе сложного слова *эрдэни зэндэмэни* ‘парн. драгоценности, драгоценность’ [БРС, 2008: 670]. Примечательно, что *зэндэмэни* ведет себя как слово высокого стиля, которое употребляется в языке художественной литературы в значении ‘бесценное сокровище, волшебная драгоценность’ и используется с некой возвышенной, даже торжественно-поэтической эмоциональной окраской. Проиллюстрируем данную особенность заимствованного слова примерами из бурятского корпуса:

Бага тэды хуралсабашье,

Сэнгүй зэндэмэни мүн.

Если даже ты немногому научишься,

И то это будет бесценный камень – зэндэмэни (Галшиев, 1993) [Бурятский корпус, электронный ресурс].

Энхэ тайбан байдалнай

Эрдэни зэндэмэни!

Наша мирная жизнь – драгоценность!

(Намсараев, 2008) [Бурятский корпус, электронный ресурс].

Эжын сэсэн үгэ, зэндэмэни заабари, заяата захяа!

Пожелание мамы – драгоценность! (Намсараев, Намсараев, 1988) [Бурятский корпус, электронный ресурс].

Смеем предположить, что заимствование санскр. *cintamani* в монгольские языки произошло в разные периоды. В монгольский язык оно заимствовалось в первый период массового проникновения буддийских лексем через уйгурский язык, а в бурятский язык оно пришло во второй период активного заимствования, т.е. через тибетский язык.

Второй период заимствований буддийской лексики (XVI в. – начало XX в.)

Второй период заимствований буддийской лексики приходится на установление тесных связей с тибетским миром, характеризуется прямыми заимствованиями из тибетского языка: 1) тибетский → монгольский, тибетский → бурятский; 2) вторая параллельная линия: тибетский → калмыцкий.

Распространение буддизма среди монгольских народов сопровождалось развитием книгопечатания, монгольские ученые ламы писали свои сочинения на тибетском языке, монгольские монахи учились в стенах тибетских монастырей, монгольские верующие посещали тибетские священные места. Немаловажное значение для развития монгольских языков имела и переводческая деятельность. Следует отметить, что в этот период огромное количество тибетских книг было переведено на монгольский язык. Так, на рубеже XVI–XVII вв. был организован обширный перевод на монгольский язык Ганджура – собрания буддийских канонических книг в 108 томах; затем, в начале 40-х годов XVIII в., переведен Данджур. Для перевода Данджура, состоящего из 225 томов, издается терминологический словарь «Мэргэд гараху-ин орун» ‘Источник мудрецов’ (1741–1742), в котором большую часть составляет заимствованная лексика.

Необходимо отметить, что во втором периоде наблюдается самый интенсивный приток устных заимствований (XIX в. и начало XX в.) [Жамбал-Сурэн, 1961: 6].

Время проникновения устных заимствований пришлось на расцвет буддизма в Монголии, когда он занимал устойчивые и стабильные позиции в экономике, культуре, политике республики. Безусловно, это способствовало тому, что в 1911 г. Монголия добилась независимости от Цинской империи и стала самостоятельным государством.

В устном проникновении тибетских слов в монгольские языки большую роль играли ламы, степные паломники, тибетские ламы, купцы. Огромную роль в заимствовании сыграли буддийские монастыри²¹ со своими типографиями, в которых печатались различные буддийские сочинения, дидактическая литература с комментариями, сборники наставлений бурятских авторов и т.д. Заимствовались, в основном, названия монастырских должностей, ученых званий у лам, религиозных обрядов и культовых предметов, несомненно, они проникли устным путем. Наглядным примером этих заимствований являются названия буддийских монастырей, основанных в Монголии, а также в буддийских регионах России [Будажанова, 2012: 24].

²¹ К началу XX в. в Бурятии действовало 46 монастырей и насчитывалось 10 тысяч лам.

Все это способствовало проникновению буддийских заимствований в монгольские языки.

По мнению Н. Жамбал-Сурэна, при переводе буддийских текстов монгольские переводчики избегали тибетских буддийских терминов. Вместо них использовали санскритские и уйгурские термины. По-видимому, считалось, что первоисточниками для всех буддийских терминов являются санскритские термины и буддийские тексты должны быть в оригинале.

В это время наряду с тибетскими заимствованиями второе дыхание получали и заимствования первого периода, санскритско-согдийско-уйгурского происхождения. Например, согд. *šmn' nch* * *šimn'ansa* → мо.б. *šimn'ansa* '1) монахиня; 2) женщина, принявшая обет безбрачия; старая остриженная женщина, посвятившая себя богу' → халх. *чавганц* [Сүхбаатар, 1999: 171]. Бурятским языком оно заимствовалось в этих же значениях: *шабганса* 1. будд. пожилая женщина, принявшая некоторые из обетов; 2. **мухар толгойтой шабганса** старая остриженная женщина, посвятившая себя богу [БРС, 2008: 597]. В современном бурятском языке буддийский термин согд. *šmn' nch* * *šimn'ansa* после проникновения деэтимологизировался и активно функционирует в значении 'старуха, старушка': *Хоршогор жаахан шабганса ябаган пезиэнэйнгээ дэргэдэ забарууха шабхадажа, аман соогоо маани гүбэрнэ*. Перевод: Старушка готовила на печке мучную кашу, читая буддийскую молитву (Шулуун хадын хоймрто. С. Цырендоржиев, 1985) [Бурятский корпус, электронный ресурс].

И таких примеров много, когда буддийские термины, пройдя непростой путь через языки-посредники, получали второе дыхание во второй период: уйг. *suvara* → мо.б. *suburqa* 1) ступа (священное сооружение ступа, чайтья, в которое закладывают священные книги, благовонные травы и т.д.); 2) пирамида → халх. *суварга(н)* = бур. *субарган* (значение исходное).

Приведенные выше примеры показывают, что буддийские заимствования сохраняются и семантически, и фонетически, несмотря на миграционные зигзаги, на долгие годы забвения. Безусловно, что в сохранении фонетического и семантического облика большую роль сыграло то, что большая часть заимствований шла письменным путем, через старописьменный монгольский язык. Считаем, что буддийские заимствования в генетически родственных монгольских языках сохранились благодаря старописьменному монгольскому языку.

Понятно, что не всем буддийским терминам «повезло» с сохранением внешнего фонетического облика, например санскр. *ratna* во время миграционного путешествия меняет свой фонетический облик, превращается в *эрдэни*. Такое превращение произошло благодаря уйгурскому языку: уйг. *erdeni*, затем в старописьменном монгольском *erdeni/erdini* [Сүхбаатар,

1999: 267]. В этом варианте данное слово входит во все монгольские языки, при этом семантика остается неизменной: в монгольском языке *эрдэни* ‘драгоценный камень, сокровище, драгоценность’ [БАМРС, 2002: 426], в калмыцком – *эрдни* ‘драгоценность, сокровище’ [КРС, 1977: 321], в бурятском – *эрдэни* ‘драгоценный камень, драгоценность, сокровище, клад’ [БРС, 2008: 670].

Словарная статья монгольского буддийского термина *эрдэнэ* показывает, что семантически лексема не претерпевает больших изменений: *Эрдэнэ маш ховор, их үнэ бүхий юмс, эрдэнэс: гурван эрдэнэ [шашин] (бурхны шашны ёсонд бурхан багшийн тус бие нь Бурхан эрдэнэ, Бурхны номлосон ном нь Ном эрдэнэ, Бурхны шавь нар нь Хувраг эрдэнэ болой. Бурхан, ном, хувраг гурав нь хүн амьтныг нүгэл хилэнцийг тэвчиж сайн мөрт удирдан оруулах ба зовлонгоос салгаж Сухаавадийн оронд хүргэх тул юунаас эрхэм дээд чухаг «Гурван эрдэнэ» гэж алдаршжээ).* Перевод: Очень редкие и чрезвычайно ценные предметы и сокровища: [рел.] три сокровища (в буддизме тело Будды – это сокровище Будды, проповедь Будды – это сокровище дхармы, а ученики Будды – это сокровище общины монахов. Будду, дхарму и общину монахов называют «тремя сокровищами», потому что они ведут человека к совершенству, преодолевают страдания и приводят его в Страну Сукхавади) [БТСМЯ].

Да и функционирует буддийский термин *эрдэнэ* в монгольском языке в том же значении: *Гээд атгахад айлтай /сүрхий/ хүйтэн, бараг мөс гэмээр чихэндээ барьж чагнаваас салхи татуулан сэнгэнэсэн эрдэнэ өгөөд, түүнийг яаж хэрэглэхий нь зааж өгчээ.* Перевод: После того, как ему подарили драгоценный камень, который был холодным, почти ледяным, он подносил его к уху, слушал, затем его научили, как им пользоваться.

Аливаа уран зохиолд үеийн үед улиран хадгалагдах нандин эрдэнэ гэж бас байдаг. Перевод: В любой литературе есть драгоценное сокровище, которое передается из поколения в поколение.

Третий период заимствований буддийской лексики (конец XX – начало XXI в.)

Третий период, безусловно, связан с возросшим интересом к духовным ценностям, буддизму. Буддийская терминология вновь активно востребована у монголоязычных народов [Сабилов, 2017]. Наблюдается возрождение забытых буддийских терминов, развитие буддизма и буддийских идей вдохнуло новую жизнь забытым религиозным терминам. Бурятский язык интенсивно пополняется деэтимологизированными буддийскими терминами. Необходимо уточнить, что этот период характеризуется не новыми заимствованиями, а возрождением старых заимствований.

Монгольские языки, в частности бурятский язык, пополнились деэтимологизированными буддийскими терминами, которые пришли через уйгурский и согдийские языки. Кстати, в монгольские языки попали слова иранского, арабского и греческого происхождения, которые использовались при наименовании буддийской атрибутики.

Интересен путь, который преодолели некоторые грецизмы, заимствованные в монгольские языки через уйгурский и согдийский языки. Например, греческая лексема *nomos* заимствована согдийским языком как *nom* (*nwt* согд.) ‘религиозное учение, книга’ [ДТС, 1969: 26a]. В этом же значении она заимствуется старописьменным монгольским языком как *nom* «религиозное учение, закон» [Сүхбаатар, 1999: 171]. Но, попадая в монгольские языки, данная лексема функционирует в двух ипостасях: и как религиозный термин *ном* «“религиозное учение, закон”, и как общелитературное слово *ном* “книга”» [Будажапова, Харанутова, 2020: 56].

Безусловно, монгольские языки испытали на себе мощное влияние буддийской лексики. Как видим, иноязычная лексема, попадая в монгольские языки, продолжает функционировать в религиозной сфере, а входя в общеупотребительный язык, как правило, приобретает новые значения.

Процесс заимствования не является только показателем актуальности межкультурного взаимодействия и межкультурных контактов. Думается, что заимствования – это не только передача новых лексем и элементов одного языка другому языку, но и, безусловно, процесс органического освоения новых слов и элементов системой языка-реципиента, их приспособления к нуждам принимающего языка, их преобразования, формального и семантического, в соответствии с условиями системы языка, в нашем случае – монгольских языков.

Видимо, по этой причине даже генетически родственные языки, такие как монгольский, калмыцкий и бурятский, имеющие в основе единый старописьменный язык, иногда для обозначения какого-нибудь одного объекта заимствуют разные лексемы. Проиллюстрируем данный факт на примере названий монастырей, храмов.

В монгольском языке храмовый комплекс обозначается лексемой *хийд* (буддийский термин санскритского происхождения *kitn*, ср. х.-монг. *хийд*, лит.-бур. *хиуд*, стмп. яз. *keyed*). *Хийд* 1) монастырь; скит; кумирня, обитель; *сүм хийд* парн. храмы, кумирни; монастырь; церковь; *хүрээ хийд* парн. монастыри <...> [БАРМС, 2002: 80].

Примеры из Монгольского национального корпуса: *Гандан тэгчилэн хийд дэндүү эль хуль мэт санагдана*. Перевод: Монастырь Гандантегчилен кажется слишком далеким. *Бид хоёр*

багадаа хүрээн дээр ах ламын хоол хүргэж өгөөд буцаж явлаа. Перевод: Будучи молодыми, мы доставляли еду монаху и возвращались [МНК].

В калмыцком же языке весь храмовый комплекс обозначается лексемой *хурл* 1) монастырь; *хурлд бэрх* «приносить что-либо в дар монастырю, делать подношения монастырю»; 2) молебен, ламское богослужение [КРС, 1977: 39]. В калмыцком языке помимо лексемы *хурл* ‘монастырь’ существуют другие лексемы, такие как *сүм* ‘храм’ и *киид* ‘ламаистский храм’ [Пюрбеев, 1996: 155].

Заметим, что заимствованная лексема *хурл* в монгольском языке имеет другое значение: *хурл* ‘религиозное собрание, богослужение; молебствие 1. [шашин] *Шашны лам нар олноороо другиецуглаж, шашны янз бүрийн зан үйл гүйцэтгэх цуглаан: хурал хурах...*; 2. [шилжсэн] *Лам нар цуглаж шашны хаа зан үйлийг гүйцэтгэх багахан газар: хийд, жас: хуралдочих (хийдэдочих)*’ [<https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/115801>] ‘1. [рел.] проведение религиозного собрания с большим количеством лам: *хурал хурах* – проводить хурал, читать молитвы; 2. [перен.] место сбора лам, где проводят религиозные обряды: *хийд, жас*: идти на хурал (идти в хийд)’ [БТСМЯ, электронный ресурс].

В бурятском языке весь храмовый комплекс обозначают словом *дасан*, халх. *дацан*, стп.-м. *dačang – gracang*, заимствованным из тибетского языка *гра-сан*, имеющего значение: 1) местопребывание монахов, монастырь; 2) монастырская школа. В бурятском языке это слово приобрело более широкое значение и употребление, чем в монгольском языке.

Можно привести огромное количество лексических заимствований из буддийской терминологии, которые ворвались в повседневную жизнь носителей монгольских языков. В современном обществе, в связи с возросшим интересом к духовным ценностям, буддийская лексика вновь востребована.

Заключение

Процесс проникновения буддийских терминов неотделим от процесса распространения буддизма. Заимствования проникали устным и письменным путем, наибольшая активность проникновения буддийских терминов наблюдается в период активного распространения буддизма. Безусловно, приток буддийских заимствований напрямую связан с развитием старописьменного монгольского языка, который использовался для перевода буддийских сочинений. Опираясь на периодизацию развития старописьменного монгольского языка Г.Д. Санжеева и на периоды активного распространения буддизма, можно условно выделить периоды наибольшей активности заимствований буддийской лексики. Первый период заимствований буддийской лексики датируется (приблизительно) рубежом XIII–XIV вв. до

конца XVI в. и характеризуется посреднической ролью, в первую очередь уйгурского языка. Второй период приходится на XVI в. и длится до начала XX в. Второй период – тибетский, когда заимствования приходили в монгольские языки напрямую из тибетского языка без языков-посредников. Существует необходимость выделения и третьего периода (конец XX в. и до нашего времени), который связан с возрождением буддизма у монгольских народов. Этот период характеризуется не только возрождением буддийских институтов, традиций, но и интенсивным распространением заимствованных буддийских терминов первого и второго периодов, которые испытывают второе рождение, второе дыхание.

Сложны и извилисты пути проникновения буддийских терминов в лексикологическую систему монгольских языков. В первый условный период буддийские термины проходили границы нескольких языков (санскритский = тибетский → согдийский → уйгурский) и только после → монгольские языки). Второй период активности характеризуется прямым заимствованием буддийских терминов: тибетский → монгольские языки. Процесс адаптации заимствованных слов в генетически родственных языках (монгольском, калмыцком, бурятском) характеризуется не очень большими различиями (это касается и лексического освоения, и фонетических изменений), причина, по-видимому, кроется в наличии очень мощного связующего звена – старописьменного монгольского языка. Представленный анализ отдельных заимствований демонстрирует эту важную особенность буддийских мигрантов; семантические и фонетические изменения, большей частью, происходят в языках-посредниках, то есть до попадания в старописьменный монгольский язык.

Безусловно, многое зависит и от самого заимствующего языка. Ведь сам процесс заимствования связан не только с освоением новых лексем и иноязычных элементов, но и с нуждами принимающего языка, в нашем случае – монгольских языков, то есть при заимствовании всегда учитывается роль языка-реципиента. В соответствии с условиями системы языка и происходит выбор заимствованных слов, их фонетическое и семантическое преобразование, даже если эти языки и генетически родственные.

Итак, заимствованная буддийская лексика, испытавшая разные периоды становления, развития, упадка, расцвета, представляет собой стройную терминологическую систему во всех монгольских языках.

Литература

- Амоголонова Д.Д.* (2017) Буддизм и власть в Бурятии в раннесоветский период: Мир Центральной Азии: Сборник научных статей. Ч. 4 / Науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск. С. 299–344.
- Будажанова Л.Б.* (2012) Буддийские термины в современном бурятском языке / Отв. ред.

- Э.Р. Раднаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та. 104 с.
- Будажанова Л. Б., Харанутова Д. Ш. (2020) Детерминологизация в бурятском языке: (На материале заимствованных буддийских терминов) // Вестник Калмыцкого университета. № 4 (48). С. 54–59.
- Ванчикова Ц.П. (2019) Буддизм в Монголии: История, духовенство, монастыри. Иркутск: Оттиск. 292 с.
- Владимирцов Б.Я. (1989) Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. М.: Наука. 449 с.
- Владимирцов Б.Я. (2005) Работы по монгольскому языкознанию. Сост. Г.И. Слесарчук. М.: Восточная литература. 951с.
- Намхайн Ж-С. (1961) Тибетские слова в монгольском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т народов Азии АН СССР. М.. 19 с.
- Жамбал-Сурэн Н. (1961) Тибетские слова в монгольском языке. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М. 19 с.
- Жуковская Н.Л. (1994) Буддизм в истории монголов и бурят: Политический и культурный аспекты // Буддийский мир. М.: Раритет. 208 с.
- Китинов Б.У. (2004) Священный Тибет и воинственная степь: Буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Товарищество научных изданий КМК. 190 с.
- Позднеев А.М. (1993) Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во. 492 с.
- Пюрбеев Г.Ц. (1996) Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во. 176 с.
- Сабиров Р.Т. (2017) Тибетский буддизм в России и Монголии в начале XXI века // Вестник КИГИ РАН. Вып. 3. Элиста. С. 8–26.
- Санжеев Г.Д. (1953) Сравнительная грамматика монгольских языков. Москва: Изд-во Акад. наук СССР. Т. I. 240 с.
- Санжеев Г.Д. (1960). Современный монгольский язык. Москва: Издательство восточной литературы. 102 с.

Источники

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. (2001) В 4 т. / Под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамбы, Г. Пюрбеева [и др.]. Т. III. Θ–Ф. М.: Academia. 440 с.
- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. (2002) В 4 т. / Под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамбы, Г. Пюрбеева [и др.]. Т. IV. X–Я. М.: Academia, 532 с.
- БТСМЯ – Большой толковый словарь монгольского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/127205>. Дата обращения: 21.06. 2023.
- БРС – Бурятско-русский словарь. (2006) В 2 т. / Под ред. Л.Д. Шагдарова, К.М. Черемисова. Т. 1. А–Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. тип.». 636 с.
- БРС – Бурятско-русский словарь. (2008) В 2 т. / Под ред. Л.Д. Шагдарова, К.М. Черемисова. Т. 2. О–Я. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. тип.». 708 с.
- Бурятский корпус [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://buryat.web-corpora.net/buryat_corpus/search/?interface_language=ru. Дата обращения: 07.06.2023.
- ДТС – Древнетюркский словарь (1969) / Под ред. В.М. Наделяева и др.; Ин-т языкознания АН СССР. Л.: Наука. 676 с.
- Ковалевский О.М. (1849) Монгольско-русско-французский словарь. Т.1–3. Казань.
- КРС – Калмыцко-русский словарь (1977) / Под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык.
- МНК — Монгольский национальный корпус [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru. Дата обращения: 14.06. 2023.

References

- Amogolonova, D.D.* (2017) *Buddizmi vlast' v Burjatii v rannesovetskij period* [Buddhism and Power in Buryatia in the early Soviet period] : Mir Tsentralnoy Azii Sbornik nauchnikh statey / Ed. by B.V. Bazarov. P. 4. Irkutsk: Ottisk. Pp. 299–344.
- Budazhapova, L.B.* (2012) *Buddijskie terminy v sovremennom buryatskom yazyke* [Buddhist terms in modern Buryat language] / Ed. by E.R. Radnaev. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. 104 p.
- Budazhapova, L.B., Haranutova, D.Sh.* (2020) *Determinologizaciya v buryatskom yazyke : (Na materiale zaimstvovannyh buddijskih terminov)* [Determinologization in the Buryat language : (On the basis of borrowed Buddhist terms)], 2020. *Vestnik Kalmyckogo universiteta*. № 4 (48). Pp. 54–59.
- Vanchikova, C.P.* (2019) *Buddizm v Mongolii: Istoriya, duhovenstvo, monastyri* [Buddhism in Mongolia : History, clergy, monasteries]. Irkutsk: Otprint. 292 p.
- Vladimirtsov, B.Ya.* (1989) *Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i halhaskogo narechiya. Vvedenie i fonetika* [Comparative grammar of the Mongolian written language and the Khalkha dialect. Introduction and phonetics]. Moscow. 449 p.
- Vladimirtsov, B.Ya.* (2005) *Raboty po mongol'skomu yazykoznaniiu* [Works on Mongolian linguistics]. Ed. by G.I. Slesarchuk. Moscow. 951 p.
- Namhajn, Zh-S.* (1961) *Tibetskieslova v mongol'skomjazyke* [Tibetan words in the Mongolian language] : Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / In-t narodov Azii AN SSSR. M. 19 p.
- Zhambal-Suren, N.* *Tibetskie slova v mongol'skom yazyke: Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoj stepeni kand. filologicheskikh nauk* [Tibetan words in the Mongolian language: Abstract of thesis. for the academic degree of Candidate of Philological Sciences] / Institute of Asian Peoples of the USSR Academy of Sciences. Moscow: [b. i.], 1961. 19 p.
- Zhukovskaya, N.L.* (1994) *Buddizm v istorii mongolov iburjat : Politicheskiji kul'turnyj aspekty.* [Buddhism in the History of the Mongols and Buryats : Political and cultural aspects] // *Buddijskij mir*. M.: Raritet. 208 p.
- Kitinov, B.U.* (2004) *Svyashennii Tibet i voinstvennaya step : Biddizm u oiratov (XIII–XVII vv.)* [Sacred Tibet and the warlike Steppe : Buddhism among the Oirats (XIII–XVII centuries)]. M.: Association of Scientific Publications of the KMK. 190 p.
- Pozdneev, A.M.* (1993) *Ocherki byta buddijskih monastyrej i buddijskogo duhovenstva v Mongolii v svjazi s otnoshenijami sego poslednego k narodu* [Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the relations of this latter to the people]. Elista: Kalmyckoe knizhnoe izd-vo. 492 p.
- Pyurbeev, G.C.* (1996) *Tolkovyj slovar' tradicionnogo byta kalmykov* [Explanatory dictionary of the traditional life of the Kalmyks]. Elista: Kalmyk book publishing house. 176p.
- Sabirov, R.T.* (2017) *Tibetskii biddizm v Rossii i Mongolii v nachale XXI veka* [Tibetan Buddhism in Russia and Mongolia at the beginning of the XXI century] // *Vestnik KIGI RAS*. Elista. V. 3. Pp. 8–26
- Sanzheev, G.D.* (1953) *Sravnitel'naya grammatika mongol'skih yazykov* [Comparative grammar of the Mongolian languages]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1. 240 p.
- Sanzheev, G.D.* (1960). *Sovremennyj mongol'skij yazyk* [Modern Mongolian language] Moscow: Publishing House of Oriental Literature. 102 p .

Sources

- LAMRD – Bolshoi akademicheskii mongolsko-russkii slovar (2001) [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] In 4 Vol. / Ed. by A. Luvsandendev, Ts. Tsedendamba, G. Purbeev [et al.]. Vol. III. Θ–Φ. M.: Academia. P. 440.
- LAMRD – Bolshoi akademicheskimongolsko-russkiislovar (2002) [Large Academic Mongolian-

- Russian Dictionary] In 4 Vol. / Ed. by A. Luvsandendev, Ts. Tsedendamba, G. Purbeev [et al.]. Vol. IV. X–Я. М.: Academia. P. 532.
- BTSMYA – Bol'shoj tolkovyj slovar' mongol'skogo yazyka [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/127205> (Data obrashcheniya: 21.06. 2023).
- BRD – Buratsko-russkij slovar (2006) [Buryat-Russian dictionary] In 2 Vol. / Ed. by L.D. Shagdarov, K.M. Cheremisov. Vol. 1. A–H, 2006. Ulan-Ude: Publishing house of JSC "Rep. type.". P. 636.
- BRD – Buratsko-russkij slovar (2008) [Buryat-Russian dictionary] In 2 Vol. / Ed. by L.D. Shagdarov, K.M. Cheremisov. Vol. 2. O–Я. Ulan-Ude: Publishing house of JSC "Rep. type". 708 p.
- Buryat Corpus [Electronic resource]. Available at: http://buryat.web-corpora.net/buryat_corpus/search/?interface_language=ru. Access date: 07.06 2023.
- Drevnetjurkiskij slovar' (1969) [Ancient Turkic dictionary] / Pod red. V.M. Nadeljaeva i dr. In-t jazykoznanija AN SSSR. L.: Nauka. P. 676.
- KRD – Kalmycko-russkij slovar' (1977) [Kalmyk-Russian dictionary] / Pod red. B.D. Munieva. M.: Russkij jazyk.
- Kovalevskij, O.M. (1849) Mongol'sko-russko-francuzskij slovar' [Mongolian-Russian-French dictionary]. Vol. 1–3. Kazan'.
- MNK – Mongol'skij nacional'nyj korpus [Elektronnyj resurs]. Available at: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru. Access date: 14.06.2023.
- Jetimologicheskij slovar' mongol'skih jazykov (2015) V 3 t. [Etymological Dictionary of the Mongolian Languages : In 3 Vol.] / Gl. red. G.D. Sanzheev, red. L.R. Koncevich, V.I. Rassadin, Ja.D. Leman. T. I. A–E. M.: In-t vostokovedenija RAN. P. 224.

Будажапова Лариса Батуевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры бурятского языка и методики преподавания Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Республика Бурятия
Адрес: 670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, д. 8
E-mail: budlara@mail.ru

Харанутова Дарима Шагдуровна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Республика Бурятия
Адрес: 670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, Ранжурова, д. 6
E-mail: dkharanutova@mail.ru

Для цитирования: *Харанутова Д.Ш., Будажапова Л.Б.* Заимствованная буддийская лексика в монгольских языках [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 2 (14). С. 64–78. DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-64-78

For citation: *Kharanutova, D.Sh., Budazhapova, L.B.* Borrowed Buddhist vocabulary in Mongolian languages [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 2 (14). Pp. 64–78. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-64-78